

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая книга произведений Анны Ахматовой в серии «Азбука-поэзия» охватывает период с 1940 по начало 1966 года. С момента выхода в свет пятой книги «Anno Domini MCMXXI» прошло почти двадцать лет до появления в 1940 году сборника «Из шести книг», почти сразу ставшего запрещенным изданием. Что же пришлось пережить поэту за эти годы? Начало и разгар травли в периодической печати, Первое (негласное) постановление 1925 года о запрещении печатать стихи Ахматовой и выход в 1929 году из Союза писателей (в знак солидарности с Б. А. Пильняком и Е. И. Замятиным), «второй клинический голод... 1928–1932 (карточки, недоедание)», болезни, бедность, даже нищету. «Круглый год в одном и том же замызганном платье, в кое-как заштопанных чулках и в чем-то на ногах, о чем лучше не думать... (...) очень худая, очень бледная — вот какой я была в это время». И это Ахматова — Федра, Эвридика 1910-х годов, написать портрет которой стремились лучшие художники начала века! Но это не все. В 1934 году был арестован первый раз и выслан друг Ахматовой поэт О. Мандельштам; в 1938 году последуют его второй арест и смерть в пересыльном лагере под Владивос-

током. Осенью 1933 и 1935 годов дважды арестовывались сын Ахматовой, студент 3-го курса истфака ЛГУ Л. Н. Гумилев, и третий муж, искусствовед Н. Н. Пунин. Благодаря хлопотам Ахматовой и еще «сравнительно вегетарианскому» времени их быстро освобождали, чтобы через три года снова арестовать Льва Гумилева и отправить на пять лет в исправительно-трудовой лагерь за полярный круг. С этих дней в раненой и потрясенной душе Ахматовой начал звучать «Реквием». «...Принявшая опыт этих лет (1925–1935) — страха, скуки, пустоты, смертного одиночества, — в 1936 году я снова начинаю писать, но почерк у меня изменился, но голос уже звучит по-другому... Возникает „Реквием“ (1935–1940)... 1940 — апогей. Стихи звучали непрерывно, наступая на пятки друг другу, торопясь и задыхаясь (...)».

(...) Дом был проклят, и проклято дело,
Тщетно песня звенела нежней,
И глаза я поднять не посмела
Перед страшной Судьбою моей.
Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном
Крепко слаженной слезки своей.(...)

«Все ушли, и никто не вернулся»

6 «(...) В марте (1940) „Эпилогом“ кончился „R(equiem)“. В те же дни — „Путем вся земли (Ките-

жанка)“, т. е. большая панихида по самой себе, осенью одновременно — две гости: Саломея („Тень“) и моя бедная Ольга („Ты в Россию пришла ниоткуда“), и с этой таинственной спутницей я проблуждала 22 года». «Таинственной спутницей» Ахматова назвала свое центральное произведение — «Поэму без Героя», которая «начала звучать» задолго до этого — 25 октября 1917 года. За пятнадцать лет «первого антракта» ею было написано чуть более шестидесяти стихотворений, включая стихи из поэмы «Реквием» и поэму «Путем всея земли (Китежанка)». Многие из них — вершина творчества Ахматовой этого периода: «Привольем пахнет дикий мед...», «Если плещется лунная жуть...», «Тот город, мной любимый с детства...», «Зачем вы отравили воду...», «Воронеж», «Немного географии», «Я знаю, с места не сдвинуться...», «Борис Пастернак», «Подражание армянскому», «Подвал памяти», «Стансы», «Соседка из жалости — два квартала...», поэмы «Реквием» и «Путем всея земли (Китежанка)». Среди этих стихотворений немало «крамольных», антисталинских, которые ни при жизни автора, ни в доперестроечные годы невозможно было напечатать («догутенберговский период», — горько шутила Ахматова).

В начале 1920-х — 1930-е годы Ахматова серьезно занялась изучением архитектуры Петербурга и исследованием творчества Пушкина. Классическую русскую литературу XVII–XIX веков Ахматова превосходно знала с детских и юношеских лет, французской увлекалась в молодости и в начале своей поэтической деятельности. В 1927 году она стала

изучать английский язык, чтобы читать Шекспира в подлиннике, выучила также итальянский и цитировала наизусть целые главы «Божественной комедии» Данте.

В жизни поэта был еще один, менее протяженный, период молчания — девять лет, «второй антракт». Он начался с постановления 14 августа 1946 года, закончившись после смерти Сталина первыми реабилитациями жертв второй волны сталинских репрессий. За эти годы Ахматова написала всего четыре стихотворения, остальными были переводы посредственных поэтов братских республик, которые делались для спасения арестованного в третий раз и сосланного в лагерь сына.

С середины 1920-х годов Ахматова поселилась в Фонтанном Доме, став второй женой известного искусствоведа Н. Н. Пунина. С ним она посещала выставки современного искусства, погрузилась в круг его интересов, главным из которых был тогда русский авангард, переводила ему статьи из французских искусствоведческих журналов.

К концу 1930-х годов их отношения зашли в тупик, и они расстались, оставшись жить под одной «кровлей Фонтанного Дома»: «Прирученной и бескрылой / Я в доме твоём живу...» В течение последующих трех лет до начала войны другом и опорой Ахматовой был В. Г. Гаршин, профессор Института экспериментальной медицины, племянник писателя В. М. Гаршина. К нему обращено несколько стихотворений 1938–1944 годов; ему был посвящен «Эпилог» первых редакций «Поэмы без Героя», а созданная в Ташкенте в 1943 году вторая редакция

«Поэмы без Героя» была ему посвящена целиком, как первоначально и поэма «Путем всея земли (Китежанка)».

Война застала Ахматову в Ленинграде. Оправившись от страшного известия, она еще до отъезда написала несколько стихотворений, вошедших впоследствии в цикл «Ветер войны»: «И та, что сегодня прощается с милым...», «Первый дальнобойный в Ленинграде», «Птицы смерти в зените висят...». 28 сентября Ахматова улетела из родного города в Москву, в середине октября отправилась в вынужденное путешествие — эвакуацию в Среднюю Азию. Из Москвы в Казань, из Казани в Чистополь поездом и паромом, из Чистополя через всю страну на поезде в Ташкент: эту поездку Ахматова описала в «Эпilogе» «Поэмы без Героя».

Оказавшись в Ташкенте, Ахматова «вспомнила» легенду о своих восточных корнях: «Я не была здесь лет семьсот. Но ничего не изменилось...», а в 1960-е годы уточнила: «⟨...⟩ в Киеве я жила меньше, чем в Ташкенте (1941–1944) во время эвакуации».

В Ташкенте Ахматовой было написано еще несколько «военных» стихотворений, в том числе на «ленинградскую» тему: «Нох. Статуя „Ночь“ в Летнем саду», «Щели в саду вырыты...» и «Постучи кулачком — я открою...». Два последних посвящены памяти Вовы Смирнова — двухлетнего соседа Ахматовой по квартире в Фонтанном Доме, к этому мальчику она была очень привязана и считала его погибшим — на самом деле погиб его старший брат Валя. Патриотические стихотворения Ахматовой были признаны властями, ее вернули из стана

чуждых советскому строю поэтов в ряды «своих». Это немного улучшило бытовую сторону ташкентской жизни Ахматовой: был приличный паек, лечение в хорошей больнице и санатории, маленькая, но своя, отдельная комната. Из Ташкента Ахматова улетела в Москву 14 мая 1944 года. Она торопилась в Ленинград к В. Г. Гаршину, женой которого обещала стать еще до войны. Но семейной жизни не получилось: произошел разрыв, три месяца Ахматова прожила в доме своих друзей Рыбаковых, а в конце августа 1944 года вернулась в Фонтанный Дом, в семью своего бывшего мужа Н. Н. Пунина, женившегося уже на другой женщине.

С Фонтанным Домом связана треть жизни Ахматовой. Почти двадцать пять лет с небольшими перерывами она прожила «в страшных недрах...» одного из «великолепнейших дворцов города — в Фонтанном Доме графов Шереметевых»; сначала с В. К. Шилейко, домашним учителем детей Шереметевых (с осени 1919 до осени 1920 года), затем с Н. Н. Пуниным (с конца 1925 года). После его ареста и смерти в лагере Ахматова жила с семьей его дочери Ирины (до 1952 года, когда ее вместе с семьей И. Н. Пуниной переселили на ул. Красной Конницы). Именно в Фонтанном Доме Ахматова начала писать свое главное произведение — «Поэму без Героя»: «Она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 г., прислав, как вестника, еще осенью один небольшой отрывок („Ты в Россию пришла ниоткуда...“). Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы (...).» Именно в Фон-

танный Дом в середине ноября 1945-го и в начале января 1946 года приходил к Ахматовой Исайя Берлин, в то время молодой английский журналист, философ, литературовед. Эти две встречи и полные беседы оказались для Ахматовой роковыми: в них она видела истоки постановления 1946 года и даже причину начала холодной войны между Востоком и Западом. Так ли это — знать не нам, но с визитами Берлина связано создание шедевров поздней лирики Ахматовой: циклов «Cinq», «Шиповник цветет (Из сожженной тетради)», отчасти «Полночных стихов», нескольких стихотворений вне циклов, «Третьего посвящения» в «Поэме без Героя».

Постановление 14 августа 1946 года «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», в котором «резкой партийной критике» подверглись произведения Ахматовой и Зощенко, было для Ахматовой неожиданным.

1946 год начинался для нее очень плодотворно: готовились три издания ее стихотворений, состоялось несколько выступлений в Москве в апреле 1946 года, имевших громадный успех. 14 августа все оборвалось — тиражи книг были уничтожены, сданная в издательство рукопись «Седьмой книги» пролежала там до 1952 года и была возвращена «за истечением срока архивного хранения». Начался «второй антракт»: «...после 46 г. наступает девятилетний мрак, во время которого я только занималась переводами, чтобы не умереть с голоду и посылать посылки в лагерь, и иногда сомнамбулически возилась с поэмой...»

6 ноября 1949 года в третий раз был арестован и впоследствии приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей сын Ахматовой Л. Н. Гумилев, ученый-историк, востоковед, этнограф, имевший медали «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В этот день, в который уже раз, Ахматова сожгла свой архив — в огне погребло практически все, что было в доме, чудом уцелели рукописи, находившиеся у других людей, или произведения, сохранившиеся в памяти ее друзей. В эти годы Судьба заставила Ахматову-мать сделать то, страшнее чего не было для Ахматовой-поэта. Для спасения сына с великим страданием она вымучила из себя цикл «Слава миру!», стоивший ей первого инфаркта. «Стихи в „Огоньке“ я прочитал; я ее любил и понимаю, какой должен быть ужас в ее темном сердце», — записал тогда Н. Н. Пунин в своем дневнике. Но сына не освободили. Она переводила стихи поэтов союзных республик, славословящих великого вождя, но и это не помогало. «Так прошло девять лет...» А для себя, для сына, для друзей, для правды писались, сжигались, запоминались другие стихи: цикл «Черепки», «крамольные» строфы «Поэмы без Героя».

«Второй антракт» закончился с разоблачением «антинародной деятельности» Сталина на XX партсъезде. Он состоялся в феврале 1956 года, а в мае Л. Н. Гумилев вернулся домой, имея на руках справку о полной своей невинности. Однако постанов-

12 ления 14 августа 1946 года никто не отменял: как

и предыдущие десять лет, его изучали в школах и вузах страны и в последующие годы.

1956–1966 годы — последнее десятилетие творчества Ахматовой — были для нее не менее плодотворными, чем 1912–1922 годы — такой же по времени период раннего творчества, когда вышло в свет пять ее поэтических сборников. Ясность и живость ума, свежесть и острота памяти, интерес ко всему происходящему, уникальное чувство юмора позволяли Ахматовой жить полной творческой жизнью, быть в курсе последних новостей, приобретать новых друзей, в том числе из молодежи, радоваться общению с ними. В эти годы Ахматова писала новые стихи и восстанавливала «забытые» и «утраченные», записывала по памяти «крамольные» произведения, интенсивно работала над «Поэмой без Героя»: в 1956–1963 годах ею было создано пять редакций поэмы. Она не переставала заниматься Пушкиным: переделала три старые статьи и написала несколько новых; одновременно составляла книгу прозы: о себе, о Петербурге, о поэтах-современниках, о людях своей эпохи, о литературе — Достоевском, Гоголе, Шекспире. В ее творческих планах значилось несколько новых книг. Пришло к Ахматовой и мировое признание: международная литературная премия Этна Таормина была вручена ей в Италии в декабре 1964 года; летом 1965-го она побывала в Англии, где ей присвоили почетное звание доктора литературы Оксфордского университета. Отнимали время и забирали творческую энергию поэта переводы, которые приходилось де-

лать для хлеба и лояльности властей. И все это на фоне преклонного возраста, трех инфарктов и других болезней, не вполне устроенного быта, жизни между Ленинградом, Москвой и Комарово, подготовки книг к изданию, переговоров с редакторами, постоянного напряжения нервов.

После большого перерыва — через восемнадцать лет после выхода сборника «Из шести книг» — в 1958 году была напечатана «куцая» книжечка Ахматовой «Стихотворения». «Остались от козлика рожки да ножки», — написала Ахматова, отдавая дань «добросовестной» работе редактора книги и ее цензора. В 1961 году в серии «Библиотека советской поэзии» увидела свет маленькая (и по объему, и по формату) книжечка «Стихотворения. 1909–1960». Следующая книга — первый «Бег времени», подготовленный Ахматовой очень серьезно и тщательно, — была «зарезана» издательством «Советский писатель» по распоряжению сверху. Второй «Бег времени» вышел в свет осенью 1965 года и тоже был заметно подправлен цензурой. Но даже в таком виде сборник все-таки радовал Ахматову: многие новые стихи были опубликованы. Отмечая, что «Бег времени» вышел ровно через полвека после «Белой Стаи», Ахматова писала: «Камня на камне не осталось от моей тогдашней жизни, и всего страшнее, что все люди — другие. А те... А стихи снова оказались прочней всего». Не удалось поместить в книгу «Бег времени» стихотворения 1930-х годов, остался ненапечатанным «Реквием»; «Поэма без Героя» вошла в сборник только своей первой, самой «безобидной», частью.

«⟨...⟩ На пороге стоит Судьба ⟨...⟩» — это строчка из «Поэмы без Героя». В октябре 1965 года Ахматова уехала в Москву и больше уже своего Города (она всегда писала это слово с прописной буквы) не видела. До самых последних дней, находясь в московской больнице, Ахматова продолжала работать. «Чувствую себя человеком, только когда берусь за перо...» В ее последней больничной записной книжке — 268 листов, и каждый заполнен записями с обеих сторон: фрагменты автобиографической и мемуарной прозы (в конце февраля 1966 года были закончены воспоминания о друге — поэте и переводчике М. Л. Лозинском), черновики статей для книги «Гибель Пушкина», беловые записи «крамольных» стихотворений, планы книг, перечни имен и фамилий друзей и знакомых, кому Ахматова хотела подарить свой «Бег времени». Последние стихотворные строчки были написаны в январе:

А как музыка зазвучала
И очнулась вокруг зима,
Стало ясно, что у причала
Государыня смерть сама.

и феврале:

Сама Нужда смирилась, наконец,
И отошла задумчиво в сторонку...

Анна Ахматова умерла 5 марта 1966 года в подмосковном санатории «Домодедово». О прощании в маленьком морге Института имени Склифосовского мало кто знал, народу пришло не много. Плакал и говорил очень тепло и проникновенно поэт Арсений Тарковский: «Жизнь для нее кончилась.

Наступило бессмертие». В Ленинграде, куда 9 марта привезли гроб с телом Ахматовой, ни на одном городском кладбище хоронить не разрешили. Выбрали Комарово, где Ахматова жила с 1955 года в маленьком летнем домике — «Будке». Л. Н. Гумилев заказал панихиду в Никольском Морском соборе. 10 марта на отпевании в соборе, на гражданской панихиде в Доме писателя — толпы народа: близкие, друзья, знакомые, тысячи поклонников ее поэзии. И всюду милиция, дружинники и «официальные лица». Боялись беспорядков. Покойно и торжественно стало только на комаровском кладбище.

Строгое северное небо и устремленные в него сосны вот уже более пятидесяти лет охраняют «смертный уют» великого русского поэта.

Наталья Крайнева

СЕДЬМАЯ КНИГА

Пала седьмая завеса тумана, —
Та, за которой приходит весна.

Т. К.

ТАЙНЫ РЕМЕСЛА

1. ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы, и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже слышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

5 ноября 1936
Фонтанный Дом

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и на мученье мне.

21 января 1940

3. МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттрепет,
И опять весь год ни гу-гу.

Начало октября 1960

4. ПОЭТ

Подумаешь, тоже работа, —
Беспечное это житье:

Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.

И чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет среди блестящих нив.

А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

Налево беру и направо
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой
И все — у ночной тишины.

11 июля 1959
Комарово

5. ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И, главное, скрытным. О нет! —
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.

И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта позорное пламя
Его заклеимило чело.

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час.

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят.

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая,
Беседы блаженнейший зной.

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен —
Поэта неведомый друг.

23 июля 1959

Комарово

6. ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом,
Смеется, у горла трепещет,
И кружится, и рукоплещет.